

Сфера профилактики правонарушений для осуществления мероприятий органами местного самоуправления

К.А. Сомиков¹✉

¹Администрация Надымского района
ул. Зверева, д. 8, г. Надым 629730, Российская Федерация

✉e-mail: kirill_somicoff@mail.ru

Резюме

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что органы местного самоуправления наделены правом на осуществление мероприятий в сфере профилактики правонарушений при отсутствии законодательного определения понятия «сферы», значимого для полноценной реализации права. Многочисленные споры взаимодействующих органов публичной власти, в отдельных случаях разрешаемые судом, указывают на наличие практической потребности в этом.

Цель заключается в формировании целостного научно обоснованного и практико-ориентированного представления о компетенции органов местного самоуправления при реализации мероприятий, направленных на профилактику правонарушений.

Задачи: определить содержание исследуемого понятия, опираясь на положения действующего законодательства; выявить причины разнонаправленного толкования органами публичной власти содержания права органов местного самоуправления в сфере профилактики правонарушений; обозначить внутреннюю неоднородность, комплексность содержания указанного права, продуцирующую сложности в его реализации.

Методология. Статья подготовлена с применением методов сравнительно-правового и системного анализа, которые позволяют определить легальное содержание понятий, значимых для реализации исследуемых законоположений. Приоритет данных методов обусловлен их потенциалом по выявлению содержания полисемичных понятий, принимаемого большинством взаимодействующих субъектов реализации права, относящихся к разным уровням публичной власти.

Результаты настоящего исследования выступают имеющие ярко выраженную практическую направленность законодательно обоснованные предложения о разрешении имеющихся противоречий в толковании содержания рассматриваемого права. Проанализированы ситуации подмены сущности данного права обязанностью в разъяснениях органов прокуратуры и решениях судов, исходя из целеполагания.

Выводы. Предложены обоснованные варианты устранения одностороннего подхода, касающегося телеологического толкования анализируемого права различными органами публичной власти. Разграничивается цель отдельного субъекта реализации права и цель, закладываемая законодателем. Субъектно-центристский подход позволил продемонстрировать имеющиеся проблемы с позиции конкретного муниципального служащего, организующего взаимодействие органов местного самоуправления с заинтересованными органами государственной власти федерального и регионального уровней.

Ключевые слова: сфера профилактики правонарушений; органы публичной власти; органы местного самоуправления; муниципальный служащий; взаимодействие.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Сомиков К.А. Сфера профилактики правонарушений для осуществления мероприятий органами местного самоуправления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2026. Т. 16, № 3. С. 21–31. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2026-16-3-21-31>.

Поступила в редакцию 10.04.2026

Принята к публикации 01.06.2026

Опубликована 30.06.2026

The field of crime prevention for the implementation of measures by local governments

Kirill A. Somikov¹✉

¹Nadym District Administration
8 Zvereva Str., Nadym 629730, Russian Federation

✉ e-mail: kirill_somicoff@mail.ru

Abstract

The relevance of this brief study is due to the fact that local governments have the right to implement measures in the field of crime prevention in the absence of a legislative definition of the «sphere of crime prevention», its importance for the full implementation of the right, and the practical need for this.

The purpose is to form a holistic (doctrinal) practice-oriented view of the competence of local governments in the implementation of measures aimed at the prevention of offenses.

Objectives: to determine the content of the concept under study, based on the provisions of current legislation; to identify the reasons for the multidirectional interpretation by public authorities of the content of the law of local governments in the field of crime prevention; to identify the internal heterogeneity, complexity of the content of this right, producing difficulties in its implementation.

Methodology. The article has been prepared using methods of comparative legal and system analysis, description, interpolation and extrapolation.

The results of this brief study are law-based proposals with a pronounced practical focus on resolving existing contradictions in the interpretation of the content of the law in question. The situations of substitution of the essence of this right with a duty in the explanations of the prosecutor's office and court decisions based on goal-setting are analyzed.

Conclusions. Reasonable options for eliminating the unilateral approach concerning the teleological interpretation of the analyzed law by various public authorities are proposed. The subject-centrist approach made it possible to demonstrate the existing problems from the perspective of a specific municipal employee who organizes interaction with interested public authorities at the federal and regional levels.

Keywords: sphere of crime prevention; public authorities; local government; municipal employee; interaction.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Somikov K.A. The field of crime prevention for the implementation of measures by local governments. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2026;16(3):21–31. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2026-16-3-21-31>.

Received 10.04.2026

Accepted 01.06.2026

Published 30.06.2026

Введение

В настоящее время органы местного самоуправления (далее – ОМСУ) наделе-

ны правом на осуществление мероприятий в сфере профилактики правонаруше-

ний (см. п. 14 ч. 1 ст. 15.1, п. 16 ч. 1 ст. 16.1 Закона № 131-ФЗ¹).

Аналогичная формулировка содержится во вновь принятом федеральном законе об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти и вступает в силу с 1 января 2027 г. (см. п. 16 ч. 2 ст. 37 Закона № 33-ФЗ²).

В указанных законоположениях приведено наименование специального федерального закона, который закрепляет составляющие рассматриваемого права в двух статьях, распределенных по разным главам. ОМСУ «вправе разрабатывать муниципальные программы в сфере профилактики правонарушений» (ч. 2 ст. 7 Закона № 182-ФЗ³). Эта норма отнесена к «общим положениям». Отдельно закреплены конкретизированные права ОМСУ в сфере профилактики правонарушений (ст. 12 Закона № 182-ФЗ):

- принимают муниципальные правовые акты;
- создают координационные органы;
- принимают меры по устранению причин и условий, способствующих совершению правонарушений;

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ: [ред. от 20.02.2026] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 09.04.2026).

² Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: Федер. закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ: [ред. от 20.02.2026] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (дата обращения: 09.04.2026).

³ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федер. закон от 20 июня 2016 г. № 182-ФЗ: [ред. от 08.08.2024] // Гарант: сайт. URL: <https://base.garant.ru/71428030/> (дата обращения: 09.04.2026).

– обеспечивают взаимодействие лиц, участвующих в профилактике правонарушений, на территории муниципального образования;

– осуществляют правовое просвещение и правовое информирование, социальную адаптацию, ресоциализацию и социальную реабилитацию;

– реализуют иные права в сфере профилактики правонарушений.

Необходимо обратить внимание на сущность рамочного правового регулирования, которая предполагает последовательную конкретизацию и детализацию [1, с. 233], упрощенно – направление от «общего к частному». Указание на «иные права» в открытом перечне снижает степень конкретизации, оставляя неопределенной часть содержания анализируемого права. Применительно к рассматриваемой ситуации Закон № 131-ФЗ обозначает право и прямо ссылается на иной федеральный закон, который относительно ОМСУ оперирует терминами «вправе», «права». Далее, комплексное «право» ОМСУ раскрывается через перечень отдельных (содержательно более узких) «прав». Особо выделяя среди них «реализацию иных прав», возможно констатировать незавершенность конкретизации, изменение направления логического следования в виде частичного возврата к обобщению как исходной точке [2, с. 143].

Необходимо отметить, что данный закон прямо не определяет «сферу профилактики правонарушений» и «мероприятия», которые вправе осуществлять ОМСУ [3, с. 11]. Раскрытие содержания этих понятий имеет не только научно-теоретическое, но и важное практическое значение. Муниципальным служащим, ответственным за осуществление данной деятельности, нужно ясно понимать, при каких условиях и что выполнить. Следовательно, «сферу» возможно отнести к гипотезе нормы права [4, с. 43], а «мероприятия» – к диспозиции. Оба структур-

ных элемента данной нормы права недостаточно точно определены.

Не приводя многочисленные и общеизвестные схожие определения «гипотезы», следует отметить обязательное указание на «условия» действия нормы, под которыми традиционно понимаются конкретные жизненные обстоятельства. Последние проявляются в общественных отношениях, правоотношениях, к которым применяется термин «сфера». Таким образом, логически очевидна возможность раскрытия «гипотезы» через «сферу».

Также очевидно, что перечисленные, в том числе в открытом перечне, отдельные права сложно взаимосвязаны и выступают разными сторонами одного явления. Например, муниципальные программы как документы стратегического планирования включают перечень реализуемых мероприятий и утверждаются муниципальными правовыми актами [5, с. 20]. В свою очередь, осуществление отдельных мероприятий из таких программ, создание муниципальных координационных органов требует издания отдельных муниципальных правовых актов [6, с. 16].

Кроме того, термин «мероприятие» полисемичен, законодательно не определен и может обозначать произвольное действие в сфере профилактики правонарушений. При этом данный термин употребляется в Законе № 182-ФЗ при раскрытии содержания социальной адаптации и социальной реабилитации (ч. 1 ст. 24, ч. 1 ст. 26). Ресоциализация же раскрывается через «комплекс мер» (ч. 1 ст. 25). Также «правовое просвещение и правовое информирование» определяется через «применение различных мер» [7, с. 42]. При прочтении закона без необходимости реализации его положений формируется общее, «ложно ясное» понимание его содержания [8, с. 18]. Однако при попытке определить конкретные способы его реализации у ответственного муниципального служащего неизбежно возникают многочисленные вопросы, не име-

ющие однозначных ответов. Отсутствуют не только процессуальные нормы, корреспондирующие материальным, но и сами такие нормы «условно определены» через полисемичные оценочные понятия. Употребление законодателем ряда одинаковых терминов в различном контексте не позволяет с необходимой точностью выявить их содержание. Напротив, в отдельных случаях в схожем контексте употребляются созвучные, но разные термины – «мероприятия» и «меры», что дополнительно затрудняет наделение их содержанием. Терминологическая путаница неминуемо продуцирует правореализационные сложности.

Методология

Превалирующим методом в настоящей статье выступает сравнительно-правовой анализ, с помощью которого возможно выявить легальное содержание полисемичных терминов, которые могут неодинаково восприниматься субъектами взаимодействия. В ряде случаев лишь сопоставление взаимосвязанных законоположений позволяет достичь единообразного восприятия неопределенных терминов через их последовательную конкретизацию. Это необходимо для достижения компромисса между взаимодействующими субъектами и оптимальной реализации соответствующего права.

Кроме того, возможна многосторонняя и многоуровневая взаимосвязь положений нормативных правовых актов. Это следует учитывать при их сопоставлении. Важны также темпоральные аспекты в отношении действия отдельных положений. Возможна ссылка на нормы, утратившие силу.

Методы интерполяции и экстраполяции применяются при анализе рассматриваемого права исходя из его принадлежности к отрасли муниципального права в целом. Отдельные свойства, присущие отрасли права, в некоторой степени отражаются и на отдельном праве, присущи этому праву. Анализировать

такое право следует через призму отрасли, его включающей.

Настоящее исследование имеет преимущественную практико-ориентированную направленность при субъектно-центристском подходе, который позволяет акцентировать внимание на правовых и сопутствующих им организационных проблемах с позиции конкретного муниципального служащего, реализующего права ОМСУ и организующего взаимодействие с иными органами публичной власти. Возникающие разночтения законоположений требуют единообразия в их толковании. Не располагая однозначными и убедительными законодательно закрепленными доводами, ОМСУ находятся в «слабой позиции» в неизбежных спорах с органами государственной власти. В отсутствие ясного правового регулирования невозможно выработать устойчивую парадигму реализации компетенции ОМСУ. Изменение субъектного состава взаимодействующих лиц зачастую влечет преобразование такой парадигмы согласно позиции вновь вовлеченного лица. Необходимо отметить, что выражение «субъектный состав» употреблено в предельно узком значении – индивидуализированном и персонифицированном. Так, состав взаимодействующих лиц по органам публичной власти и должностям может оставаться стабильным длительный период времени. Однако иное физическое лицо на определенной должности, обладая собственным уникальным правосознанием [9, с. 129], потенциально склонно к изменению подходов в организации и осуществлении взаимодействия.

Неодинаковое толкование неясных законоположений представителями различных органов публичной власти обусловлено отличающимися функциями данных органов. В очевидном искажении смысла таких законоположений предлагается видеть способ достижения определенной цели должностным лицом конкретного органа публичной власти, а не

ошибку. Направленность настоящей статьи на демонстрацию проблем в правовом регулировании реализации права ОМСУ на осуществление мероприятий в сфере профилактики правонарушений предопределяет намеренное минимальное приведение доктринального понимания оценочных категорий. Констатируется отсутствие ряда необходимых легальных дефиниций и продуцируемая этим сложность достижения компромиссного решения проблемных вопросов при взаимодействии множества субъектов различных уровней публичной власти. Подобный подход проявляет невозможность убедительного и принимаемого органами государственной власти обоснования ОМСУ собственной позиции. Допустимо несколько доктринальных позиций, легальная позиция должна быть одна.

Результаты и их обсуждение

Разрешение рассматриваемого вопроса осложняется также тем, что в совместном ведении Российской Федерации и субъектов РФ находятся «защита прав и свобод человека и гражданина; защита прав национальных меньшинств; обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности; режим пограничных зон» (п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ)¹. Большая часть приведенных категорий законодательно не определена, носит оценочный характер и, очевидно, относится к сфере профилактики правонарушений. Таким образом, ОМСУ наделены правом на осуществление мероприятий в конституционно установленных пределах ведения и полномочий государственного уровня публичной власти, что сближает анализируемое право с осуществлением отдельных государственных

¹ Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: ред. от 14.03.2020] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 09.04.2026).

ных полномочий, не переданных в установленном порядке [10, с. 103].

Следует обратить внимание, что ОМСУ «вправе» осуществлять мероприятия в указанной сфере, тогда как органы государственной власти наделены «полномочиями», схожими по своему характеру с обязанностями. Однако словесное выражение (формулировка) соответствующих статей Закона № 182-ФЗ не отражает различий между правами и полномочиями, поскольку законоположения сформулированы преимущественно императивным образом. Например, органы государственной власти субъектов РФ «осуществляют» нормативно-правовое регулирование в сфере профилактики правонарушений» (п. 1 ст. 11), а ОМСУ «принимают» муниципальные правовые акты в данной сфере (п. 1 ст. 12), тогда как изложение «права» видится преимущественно диспозитивным. Указанный закон содержит также иные примеры, подтверждающие приведенное рассуждение. Так, органы государственной власти «разрабатывают» государственные программы (ч. 1 ст. 7), а ОМСУ «вправе разрабатывать» муниципальные программы (ч. 2 ст. 7). Формулировка статьи лишь в этом случае отражает различия в полномочиях и правах.

Допустимо предположить не ошибку либо некоторую «погрешность» законодателя, а расстановку значимых акцентов, указывающих на более глубокое содержание закона. Возможно, так выражается внутренняя неоднородность исследуемого права, его комплексность, которая отражает комплексный характер муниципального права как отрасли права [11, с. 102].

Следует обозначить неявную, но существенную для ответственных муниципальных служащих проблему. Многочисленные упоминания ОМСУ в документах стратегического планирования (стратегиях, концепциях) в одном ряду с иными органами публичной власти опосредованно формируют представление о

схожести полномочий [12, с. 48]. Возникает мнимое наделение ОМСУ компетенцией иного уровня (федерального либо регионального) – псевдопередача государственных полномочий либо псевдорасширение перечня и объема вопросов местного значения.

Например, одним из основных принципов миграционной политики является координация деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и ОМСУ в сфере миграции (подп. «д» п. 26. Концепции государственной миграционной политики РФ¹). Однако «деятельность в сфере миграции» не относится к вопросам местного значения, и не ясно, какие мероприятия следует предпринять. Содержанием муниципальных программ невозможно охватить все имеющиеся стратегии и концепции, упоминающие ОМСУ. В противном случае такой муниципальный правовой акт будет чрезмерно объемным. Проблема не умозрительная, а вполне реальная и серьезная, она выражается в направлении органами прокуратуры в адрес ОМСУ представлений об устранении нарушений закона по причине отсутствия в муниципальных программах какого-либо положения документа стратегического планирования. Кроме того, практикуется направление представлений прокуратуры по причине недостаточного количества мероприятий определенной направленности в муниципальных программах либо недостаточного объема их финансирования.

Подобные ситуации негативно влияют на деятельность ОМСУ. Как правило, привлекается к дисциплинарной ответственности исполнитель низшего звена, вопреки расхожему мнению об уве-

¹ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы: Указ Президента РФ от 15 окт. 2025 г. № 738 // Гарант: сайт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412750335/> (дата обращения: 09.04.2026).

личении ответственности пропорционально повышению должностного положения. «Фокус» внимания контрольных (надзорных) органов обращен на муниципальных служащих неравномерно даже в составе отдельного структурного подразделения местной администрации. Возникает известная многим должностным лицам ситуация, когда количество дисциплинарных взысканий прямо пропорционально количеству проведенных контрольными (надзорными) органами проверок их деятельности и, соответственно, количеству внесенных актов реагирования по их итогам. Текучесть кадров среди таких служащих значительно выше по сравнению с теми, которые не сталкивались с подобным количеством проверок.

Неясность в правовом регулировании объема и порядка реализации компетенции продуцирует необходимость упреждающего реагирования уполномоченных органов [13, с. 287], что в отдельных случаях влечет недостаточно обоснованное привлечение к дисциплинарной ответственности. В результате у такого муниципального служащего последовательно снижается мотивация повышать профессиональный уровень, совершенствовать собственную деятельность. Лица, замещающие подобные должности, зачастую изначально внутренне готовы к непродолжительной работе на данном «участке» реализации компетенции ОМСУ, вне зависимости от прилагаемых усилий.

В ч. 19 ст. 32 Закона № 33-ФЗ закреплено, что «полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, ...могут быть конкретизированы федеральными законами в целях обеспечения исполнения полномочий органов местного самоуправления». Таким образом, расширение компетенции ОМСУ документами

стратегического планирования будет исключено. Однако указанная статья вступает в силу с 1 января 2028 г., соответственно, до наступления указанной даты ОМСУ лишены возможности апеллировать к ней в спорах о компетенции.

Обозначенная ситуация с документами стратегического планирования носит характер, противоположный конкретизации, поскольку опосредовано и ложно расширяет компетенцию ОМСУ. Субъект, обладая определенным профессиональным правосознанием в своей деятельности при восприятии содержания и смысла нормативного правового акта неминуемо исходит из функций органа, в составе которого осуществляет деятельность. Подобное явление отлично от профессиональной деформации, хотя и близко к ней. Например, предположение работника контрольного (надзорного) органа о возможном наличии признаков нарушения закона обусловлено функциями данного органа и упреждающим сознательно-волевым характером его действий, направленным на предотвращение правонарушений.

Наличие значительного количества документов стратегического планирования, упоминающих ОМСУ в одном ряду с иными органами публичной власти, не следует рассматривать в качестве негативного явления, вносящего дисбаланс в правовое регулирование реализации компетенции. В этом предлагается видеть подтверждение вхождения ОМСУ в единую систему публичной власти, возможность и необходимость осуществления ряда публичных функций во взаимодействии органов различного уровня. Это позволит достичь позитивного синергетического эффекта.

Различное восприятие содержания компетенции ОМСУ «через призму» служебных интересов контрольного (надзорного) органа ярко иллюстрирует вступившее в законную силу Решение

Улетовского районного суда Забайкальского края от 11 июня 2021 г.¹, которым на местную администрацию возложена обязанность по разработке и реализации муниципальной программы в области профилактики правонарушений, вопреки тому, что принятие муниципальных программ и муниципальных правовых актов в данной сфере отнесено к правам ОМСУ (ч. 2 ст. 7 и п. 1 ст. 12 Закона № 182-ФЗ). Представитель местной администрации в судебном заседании возражал против удовлетворения исковых требований, опираясь на указанное право. Однозначно и ясно сформулированное «право» ОМСУ решением суда преобразовано в «обязанность» по административному исковому заявлению прокурора. Исходя из того, что решение представляет собой индивидуальный правоприменительный акт, им возлагается обязанность на конкретного субъекта [14, с. 224]. Обозначенная ситуация примечательна не только своей общей парадоксальностью, но и тем, что общее «право» стало «обязанностью» строго определенного лица, поскольку решение вступило в законную силу.

Приведенное решение суда о возложении обязанности на местную администрацию отражает направленность деятельности контрольных (надзорных) органов, граничащую в отдельных случаях с осознанным и намеренным искажением ряда основополагающих категорий юриспруденции.

Так, на официальном сайте Прокуратуры Саратовской области размещено «разъяснение» вопроса о праве ОМСУ принимать муниципальные программы: «При рассмотрении вопросов о компетенции или полномочиях органов мест-

ного самоуправления разделение на право или обязанность является не вполне некорректным, поскольку полномочия представляют собой одновременно и право, и обязанность»². В обоснование данной позиции приводится ст. 179 Бюджетного кодекса РФ³, в которой сказано в том числе о муниципальных программах. Однако используемый представителем прокуратуры термин «полномочие» отсутствует в приведенной статье. Законодатель многократно, последовательно и прямо подчеркивает наличие «права» ОМСУ, но парадоксальным образом контрольный (надзорный) орган усматривает в нем «полномочие» [15, с. 26].

Таким образом, позиция органов прокуратуры в приведенных примерах состоит в намеренной подмене термина в разъяснениях и в практической деятельности, что якобы позволяет исказить его содержание и трансформировать в «обязанность». И такие казусы происходят в условиях понятного правового регулирования, правила формальной логики игнорируются. При недостаточной определенности (точности) регламентирующих норм муниципальный служащий лишен возможности обосновать надлежащее исполнение им своих должностных обязанностей.

Обозначенную проблему восприятия содержания возможно разрешить посредством сопоставления направлений профилактики правонарушений и вопросов местного значения. При их совпадении необходимо принимать муниципальные программы. В иных случаях ОМСУ вправе осуществлять такие мероприятия.

² Прокуратура Саратовской области: сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_64/activity/legal-education/explain/e696369/ (дата обращения: 09.04.2026).

³ Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ : [ред. от 26.06.2026] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 09.04.2026).

¹ Решение Улетовского районного суда Забайкальского края от 11 июня 2021 г. по делу № 2а-297/2021 // Гарант: сайт. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/321510018/p-paragraph/1:0> (дата обращения: 09.04.2026).

Дополнительно следует уточнить, что ОМСУ вправе по собственной инициативе принимать «меры по устранению причин и условий, способствующих совершению правонарушений». При наличии представления следователя, направленного в порядке ст. 158 Уголовно-процессуального кодекса РФ, устранение таких обстоятельств обязательно, поскольку отнесено к «нарушениям закона».

Таким образом, «сферу профилактики правонарушений» предлагается определить через основные направления профилактики правонарушений, прямо перечисленные в законе (ст. 6 Закона № 182-ФЗ), поскольку ничто иное из данного закона к ней отнести невозможно.

Приведенное разъяснение прокуратуры примечательно также указанием, что «при определении содержания муниципальных программ противодействия распространению наркомании следует учитывать не только вопросы местного значения, но и положения указа Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733, утвердившего Стратегию государственной антинаркотической политики на период до 2030 года». Далее сказано, что «в соответствии с указом совершенствование антинаркотической деятельности и государственного контроля за оборотом наркотиков осуществляется путем обеспечения согласованности мер

по ее реализации на региональном и муниципальном уровнях». В подобной позиции возможно усмотреть опосредованную и частичную ретрансляцию (распространение) полномочий органов государственной власти субъектов РФ на ОМСУ в отсутствие прямого указания на то в законе.

Выводы

Рассмотренные примеры законоположений, практика их применения и официальные разъяснения органов публичной власти указывают на необходимость определения используемых в законе понятий. Также очевиден комплексный характер исследуемого права ОМСУ на осуществление мероприятий в сфере профилактики правонарушений, его внутренняя неоднородность. Методологически возможно определение содержания «сферы профилактики правонарушений», опираясь на конкретные законоположения. Используя предложенный сравнительно-правовой метод вместо прямой подмены терминов и явного искажения смысла основополагающих категорий юриспруденции, возможно обосновать, что в установленных законом случаях реализация права действительно необходима и бездействие недопустимо.

Список литературы

1. Довгань К.Е. Развитие рамочного правового регулирования в области разграничения предметов ведения и полномочий федеральных органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов // Сибирское юридическое обозрение. 2022. № 3. С. 233-244.
2. Краснова И.О. Конкретизация как способ совершенствования законодательства // Lex Russica. 2016. № 6. С. 146-157. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.115.6.146-157>.
3. Раскина Т.В. Надзор за исполнением законов в сфере профилактики правонарушений органами местного самоуправления // Законность. 2021. № 4. С. 10-13.
4. Гаврилов Э.П. Принцип исчерпания исключительного права и его толкование в постановлении Конституционного Суда РФ от 13 февраля 2018 г. № 8-П // Хозяйство и право. 2018. № 5. С. 36-46.
5. Корчак В.Ю. Взаимная увязка прогнозных документов стратегического планирования // Компетентность. 2020. № 7. С. 19-25. <https://doi.org/10.24411/1993-8780-2020-10703>.

6. Баканов К.С. Полномочия региональных органов власти и органов местного самоуправления в области обеспечения безопасности дорожного движения в условиях реформы публичной власти // *Безопасность дорожного движения*. 2025. № 3. С. 11-22.
7. Гаврилов М.А., Петрова И.С. Правовое просвещение и правовое информирование граждан как инструмент профилактики преступлений в сфере экономики // *Законность*. 2023. № 7. С. 41-44.
8. Перевалов В.Д. Нормы права: проблемы понимания и определения // *Российское право: образование, практика, наука*. 2017. № 5. С. 10-19.
9. Сафронов В.В. Парадигма правового сознания гражданина // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2021. № 3. С. 126-131. https://doi.org/10.51980/2542-1735_2021_3_126.
10. Дитятковский М.Ю. Реализация факультативных полномочий органов местного самоуправления в городах // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2021. № 1. С. 99-111.
11. Садовникова Г.Д. Развитие идей народного представительства и местного самоуправления в трудах ученых кафедры конституционного и муниципального права // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2022. № 6. С. 99-110. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.94.6.099-110>.
12. Серков П.П. Стратегическое планирование и управление наукой: нормативное измерение // *Российская юстиция*. 2025. № 12. С. 47-56. https://doi.org/10.52433/01316761_2025_12_47.
13. Каширина О.Н. Правовые особенности деятельности органов прокуратуры по ранней профилактике преступности // *Актуальные проблемы государства и права*. 2025. Т. 9, № 2(34). С. 281-290. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-281-290>.
14. Тимошина Е.В., Краевский А.А. Критерии нормативности интерпретационных правовых актов в российской судебной практике // *Правоприменение*. 2022. Т. 6, № 4. С. 220-243. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6\(4\).220-243](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(4).220-243).
15. Мигущенко О.Н. Взаимодействие органов местного самоуправления и органов внутренних дел в сфере профилактики правонарушений // *Муниципальная служба: правовые вопросы*. 2022. № 3. С. 18-28. <https://doi.org/10.18572/2072-4314-2022-3-18-28>.

Reference

1. Dovgan K.E. Development of the framework legal regulation in the field of differentiation of the subjects of jurisdiction and powers of the federal bodies of state power of the Russian Federation and its subjects. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*. 2022;(3):233-244. (In Russ.)
2. Krasnova I.O. Specification as a way to improve legislation. *Lex Russica*. 2016;(6):146-157. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.115.6.146-157>.
3. Raskina T.V. Supervision of the enforcement of laws in the field of crime prevention by local governments. *Zakonnost = Legality*. 2021;(4):10-13. (In Russ.)
4. Gavrilov E.P. The principle of exhaustion of the exclusive right and its interpretation in the resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 13, 2018 No. 8-P. *Khozyajstvo i pravo = Economy and law*. 2018;(5):36-46. (In Russ.)
5. Korchak V.Yu. Cross-linking of forward-looking strategic planning documents. *Kompetentnost = Competence*. 2020;(7):19-25. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/1993-8780-2020-10703>.

6. Bakanov K.S. Powers of regional authorities and local self-government bodies in the field of road safety in the context of public authority reform. *Bezopasnost dorozhnogo dvizheniya = Road safety*. 2025;(3):11-22. (In Russ.)
7. Gavrilov M.A., Petrova I.S. Legal education and legal information of citizens as a tool for the prevention of economic crimes. *Zakonnost' = Legality*. 2023;(7):41-44. (In Russ.)
8. Perevalov V.D. Norms of law: problems of understanding and definition. *Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian law: education, practice, science*. 2017;(5):10-19. (In Russ.)
9. Safronov V.V. The paradigm of a citizen's legal consciousness. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;(3):126-131. (In Russ.) https://doi.org/10.51980/2542-1735_2021_3_126.
10. Dityatkovskij M.Yu. Implementation of optional powers of local self-government bodies in cities. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Bulletin of St. Petersburg University. Right*. 2021;(1):99-111. (In Russ.)
11. Sadovnikova G.D. The development of ideas of popular representation and local self-government in the works of scientists of the department of constitutional and municipal law. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University*. 2022;(6):99-110. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.94.6.099-110>.
12. Serkov P.P. Strategic planning and management of science: a normative dimension. *Rossijskaya yusticiya = Russian justice*. 2025;(12):47-56. (In Russ.) https://doi.org/10.52433/01316761_2025_12_47.
13. Kashirina O.N. Legal features of the activities of the prosecutor's office for the early prevention of crime. *Aktualnye problemy gosudarstva i prava = Current problems of the State and law*. 2025;(2):281-290. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-281-290>.
14. Timoshina E.V., Kraevskij A.A. Criteria for the normativity of interpretative legal acts in Russian judicial practice. *Pravoprimenenie = Law enforcement*. 2022;(4):220-243. (In Russ.) [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6\(4\).220-243](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(4).220-243).
15. Migushhenko O.N. Interaction of local self-government bodies and internal affairs bodies in the field of crime prevention. *Municipalnaya sluzhba: pravovye voprosy = Municipal service: legal issues*. 2022;(3):18-28. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/2072-4314-2022-3-18-28>.

Информация об авторе / Information about the Author

Сомиков Кирилл Александрович, кандидат юридических наук, главный специалист отдела по взаимодействию с органами государственной власти, Администрация Надымского района, г. Надым, Российская Федерация, e-mail: kirill_somicoff@mail.ru, ORCID: 0009-0008-2147-2564

Kirill A. Somikov, Cand. Sci. (Law), Chief Specialist of the Department for Interaction with Government Authorities Administration of the Nadym District, Nadym, Russian Federation, e-mail: kirill_somicoff@mail.ru, ORCID: 0009-0008-2147-2564